

А. М. Мелихов¹

ОБЪЕДИНИТЬСЯ В НЕБЫВАЛОМ

Более 20 лет назад я написал в своей «Исповеди еврея», что нацию создает общий запас воодушевляющего вранья. Если убрать эпатуирующее заострение, я и сейчас считаю, что национальная принадлежность обслуживает главным образом не экономические, а психологические потребности личности. Точнее, принадлежность к нации — к чему-то могущественному и долговечному — обеспечивает экзистенциальную защиту индивида от совершенно обоснованного ощущения собственной мизерности и кратковременности. Национализм, бесконечно идеализирующий собственную нацию, убежденный, что отщепенцы, лишённые национального убежища, обречены вести жалкое существование, в состязании грез одолел даже классовую сказку. Грандиозный успех националистической грезы, скорее всего, объясняется тем, что она сделалась суррогатом угасающей религии.

Империи тоже не сумели противопоставить национализму более привлекательную интернациональную сказку и практически все распались, уступив место национальным государствам. Более того, националисты сумели само слово «империя» сделать почти ругательством, нагрузив и перегрузив его всеми злодеяниями, без которых не обходится история ни одного государства, благородно умалчивая о злодеяниях собственных. Хотя национальная толерантность зародилась именно в империях, имперская аристократия открыла важнейшие принципы, которыми можно воспользоваться и в сегодняшних многонациональных государствах: управлять национальными меньшинствами руками их собственных элит, что минимизирует национальное унижение; наиболее энергичным и одаренным представителям меньшинств облегчается доступ в имперскую аристократию; имперские законы по возможности стараются не задевать культурные традиции, осуществляющие экзистенциальную защиту меньшинств: им предоставляется право молиться, жениться и даже судиться по собственным законам, если только они не вступают в слишком опасное противоречие с законами федеральными. Эти принципы могут быть приложены даже к сегодняшним национальным общинам при условии, что их лидеры сумеют удержать в своих руках пассионариев.

Запомнившийся пример. После знаменитого побоища в Кондопоге в подобный же северный город меня пригласили поговорить за круглым столом о толерантности, и глава тамошней азербайджанской общины —

¹ Заместитель главного редактора журнала «Нева» (Санкт-Петербург), писатель, публицист, литературный критик, кандидат физико-математических наук. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот», «Роман с простатитом», «Любовь-убийца», «Мудрецы и поэты», «Нам целый мир чужбина», «Чума», «В долине блаженных», «Любовь к отеческим гробам», «Интернационал дураков», «Дрейфующие кумиры», «Броня из облака», «Ключий треугольник», «Бессмертная Валька», «Каменное братство», «Как сохранить радость жизни в трудное время» (в соавт.) и других, а также 60 научных работ по математике. Лауреат Набоковской премии, премии им. Гоголя, премии Правительства Санкт-Петербурга и др.

милейший улыбчивый адвокат и бизнесмен с золотыми зубами, золотой мобилой и золотым внедорожником очень дружелюбно мне объяснял, что у них такое невозможно. Потому что надо работать с силовыми органами. Появляется отморозок — община сама сообщает начальнику полиции: такой-то скоро что-то натворит, прижмите, пожалуйста. Если кто-то не хочет вступать в общину — тоже никто не заставляет. Но когда случится неприятность, прибежит. И ему помогут. Но если забудется, напомнят: ты что, хочешь для нас неприятностей? Смотри, получишь их первым.

Не стану утверждать, что эта система безупречна с точки зрения либерального права, требующего всеобщего равенства перед единым законом и отсутствия каких-либо внесударственных правовых структур, но несколько лет назад она работала вполне эффективно, создав некие мини-имперские структуры.

Этого при благополучном течении событий может оказаться достаточно, чтобы межнациональная неприязнь не выходила за рамки, угрожающие существованию государства. Однако для того чтобы создать наднациональное государственное единство, требуется единство исторических задач. Только наличие общей цели способно ослабить межнациональную конкуренцию, являющуюся главной причиной межнациональной неприязни.

Обыденное марксистско-либеральное сознание замечает лишь самую невинную конкуренцию — экономическую. Хотя наиболее острой является конкуренция психологическая — борьба за привлекательный образ самого себя и, следовательно, своего народа, ибо невозможно создать собственный привлекательный образ без такой же родословной. Свою родословную — всегда полувывымышленную — каждая национальная культура создает для самовозвеличивания, которое и защищает включенного в нее индивида от мучительного чувства ничтожности перед лицом бесконечно могущественного и равнодушного мироздания. И в этой борьбе — за звание самого благородного, самого мудрого, самого храброго, самого долговечного, самого многострадального народа — мира достичь неизмеримо труднее, чем в материальных конфликтах. Состязание культур больше похоже на конкурс красоты, чем на спор акционеров: деньги можно поделить на всех, но на пьедестале почета могут разместиться лишь немногие.

А что делать остальным? Оттесненным? Выстраивать собственный пьедестал для внутреннего пользования и не пытаться навязать его другим. *Уничтожить борьбу за первенство невозможно, но можно добиваться первенства в разных сферах*, уверяя себя, что именно твоя сфера и есть самая главная. Так чемпион по бегу свысока поглядывает на чемпиона по поднятию штанги, который платит ему взаимностью, и в результате все довольны, хотя пренебрегают ироническим взглядом чемпиона по шахматам. Поэтому в системе общегосударственного разделения труда каждому на-

циональному меньшинству желательно подыскать особую нишу, где бы оно ощущало себя главным.

Общаться же народам лучше всего посредством своих рационализированных элит и прагматизированных периферий, а соприкосновение культурных ядер желательно свести к минимуму. Главные трудности межкультурного общения возникают тогда, когда в соприкосновение вступают массы, ибо у них нет тех корпоративных систем экзистенциальной защиты, какие имеются у групп, и без того ощущающих себя избранными, — у интеллигенции, преуспевающих бизнесменов и политиков, у истинно верующих, для кого все земное тлен и суета, и т. д.

Культурные коммуналки — вот главные источники межнациональной вражды, а их-то глобализация и формирует в невиданных доселе масштабах. Однородное всечеловеческое единство невозможно прежде всего потому, что люди стремятся не к равенству, а к превосходству друг над другом. Экзистенциальную защиту им способна обеспечить лишь уверенность в том, что они принадлежат к какой-то наиболее привлекательной, древней, благородной, долговечной группе. А по отношению к кому может ощущать чувство превосходства единое человечество? По отношению к марсианам?

А между тем подавляющее большинство человечества ощущает себя униженным разделением народов на модернизированные и немодернизированные. Если бы мы сегодня пожелали найти замену советскому клише «все прогрессивное человечество», это было бы словосочетание «все модернизированное человечество». Слово «модернизация», однако, означает всего лишь «осовременивание», уподобление каким-то современным стандартам. Стандарты при этом, как всегда, задают сильнейшие, победители, поэтому модернизироваться означает уподобляться сильнейшим. То есть в период расцвета арабского халифата или монгольской империи модернизация требовала бы уподобиться монголам либо арабам, а лет через сто, возможно, потребует уподобления китайцам либо индусам.

Лично я склонен считать современными всех, у кого хватает сил выживать в современном мире, становиться тем или иным способом конкурентоспособными. В биологическом мире конкурентоспособность обеспечивается самыми разными и даже противоположными доблестями, а с чьей-то точки зрения, даже пороками: индивидуальной силой или плодовитостью, агрессией или робостью, напором или уклончивостью, коллективизмом или эгоцентризмом, стремительностью или неторопливостью, броскостью или скрытностью, способностью объедаться впрок или умением довольствоваться малым. Не странно ли, что в социальном мире конкурентоспособность начинает определяться лишь объемом ВВП или производительностью труда? Если бы в какой-то период весь животный мир уподобился тогдашним победителям — каким-нибудь саблезубым тиграм или мамонтам, — жизнь на Земле давно прекратилась бы, ибо не раз оказывалось, что к новым вызовам лучше готовы не те, кто блистает на авансцене, а те, кто на заднем плане влачит незаметное на первый взгляд существование.

Драгоценно разнообразие не только доблестей, но и слабостей, не только «прогрессивностей», но и «отсталостей», ибо они, возможно, тоже доблести, еще не дождавшиеся своего вызова, — они составляют фонд рецессивных аллелей человечества, всего человечества, а не только прогрессивного.

Сильные, а следовательно, прогрессивные (любовь к прогрессу есть не что иное, как преклонение перед успехом), однако, всегда стремятся вписать слабых в собственную игру, и в не столь уж далекие бесхитростные времена главным оружием для этого было завоевание. Но после Первой мировой войны — верю, что из лучших намерений, — Вудро Вильсон пожелал уравнивать малые и слабые народы с большими и могучими, провозгласив право наций на самоопределение, сослужив тем самым миру и самим малым народам очень дурную службу, ибо они тут же сделались разменной монетой в большой игре великих держав.

Тем не менее вера в фельдшерское средство национального самоопределения сохранилась в неприкосновенности, и после распада социалистической системы всем, кто этого очень уж сильно хотел, снова было выдано по национальному государству. Увеличило ли, однако, национальное самоопределение возможности самоопределения культурного? И насколько способны национальные государства малых и слабых народов защищать людей от чувств бессилия и эфемерности в безжалостной реке времен? А в этом я вижу главную миссию государства, поскольку все прочие его функции могут выполнять и частные корпорации.

Сегодня это азбучная истина: государство существует для людей. Но людям для счастья мало ВВП, ЖКХ, ПМЖ и ГСМ — они льнут к государству ради защиты от чувства своей мизерности и бренности. Однако государство не в силах их защитить, само оставаясь мизерным и бренным, не бросая векам ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда. Тем не менее никто и не думает оценивать «прогрессивность» государств по этому важнейшему критерию — *по числу гениев, возросших в его пределах*, по шансам его граждан обрести бессмертие в исторической памяти.

Защищаться посредством обретения исторической субъектности стремятся почти все, но никто не сознает, что порождать гениев — это самая надежная и безопасная форма исторического служения. Имперская «отсталая» Россия прекрасно с этим справлялась — имена Толстого, Достоевского, Мусоргского в представлении не нуждаются, — но справится ли Россия «прогрессивная»? Или ее ждет прогрессивное бесплодие?

Я уже давно мечтаю о специальной государственной программе «Производство гениев», ибо ничто другое не стоит так дешево и не защищает так надежно. Широкая сеть школ и вузов, учеба в которых сулит большие труды и не сулит особых денег, — вот рецепт отбора самых одаренных и романтических. И многонациональные пьедесталы почета, на которые под звуки российского гимна восходят представители всех народов и народностей России, — это и есть наиболее впечатляющий символ общегосударственного единства. Такие же пьедесталы необходимы не только в спорте, но и в науке, музыке, литературе, кино, технике...

Мы слишком долго боролись за звание нормальной, то есть ординарной, страны — за звание второсортной копии, а этого совершенно недостаточно для экзистенциальной защиты, то есть для национального выживания. Русским, как и всем прочим народам, необходимы какие-то хотя бы узкие ниши, в которых они были бы уникальными, не повторяли бы чужие достижения, как того требует теория модернизации, но творили бы

нечто *небывалое*. Они вовлекали бы в это творчество и национальные меньшинства, которым в одиночку такие задачи не по силам.

Лишь участвуя в проектах исторического масштаба, национальные меньшинства могут выйти на мировой уровень, обрести историческую субъектность, которая и выстраивает экзистенциальную «крышу». А общая «крыша» и создает государственное единство.